

18+

А ТЫ ХОРОШО ЗНАЕШЬ
СОСЕДЕЙ

КОЛЛЕКЦИЯ ОДИНОКОГО БОКАЛА

ТРИЛЛЕР

ВИКТОРИЯ ЧУЙКОВА

Виктория Чуйкова

**Коллекция одинокого бокала.
А ты хорошо знаешь соседей**

«Издательские решения»

Чуйкова В.

Коллекция одинокого бокала. А ты хорошо знаешь соседей /
В. Чуйкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-628369-5

Вы хорошо знаете своих соседей? Вам никогда не хотелось хорошенько приглядеться к ним? Прислушаться к их словам, мыслям... Оглянуться, проходя мимо...

ISBN 978-5-00-628369-5

© Чуйкова В.
© Издательские решения

Содержание

Коллекция одинокого бокала	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Коллекция одинокого бокала А ты хорошо знаешь соседей

Виктория Чуйкова

© Виктория Чуйкова, 2024

ISBN 978-5-0062-8369-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Коллекция одинокого бокала

Небольшой, достаточно популярный ресторанчик домашней кухни «КиселевЪ i Ki», разместился в одном из жилых районов города «Старая Русса». Все в нем было восхитительно, мило и уютно. Спросом он пользовался далеко за пределами данного округа, да таким, что случайному прохожему редко находилось свободное место. Посетители знали друг – друга, многие не только в лицо, делились новостями, порою отмечали здесь небольшие праздники, так сказать, в дружной, «ресторанной семье». Официанты всегда внимательны, администратор – приветливый, гости – вежливые. Ни тебе ссор, обсчетов, или мелкого воровства, ни капризного недовольства гостей. Забежит, бывало, клиент на чашечку утреннего кофе, да засидится позавтракать. Придет задержавшийся на работе завсегдатай за пять минут до закрытия, а уйдет сытый, еще и с гостинцем ко сну, к вечернему, так сказать, чаю.

Обстановка, что ни говори – домашняя, ладная. Крахмальные белые скатерти, льняные чехлы на стульях, ажурные занавесочки на окнах. Настольные лампы, с приглушенным светом, мягкие диванчики в холле и комнате для курящих, фотографии на стенах в искусных рамочках, да баночки с аппетитными соленьями, грибочками, варениями, и такой выбор, что нет-нет, да и приобретается клиентом к определенному случаю. Меню не большое, но чрезвычайно вкусное, причем хочу заметить, картинка соответствует оригиналу. Борщи красные и зеленый, щи да капуста. Рассольник трех видов, на куриных потрохах, да с различными копченостями, а в постные дни с грибочками. Запеченный кролик в горшочке, под хрустящей крышечкой из собственного хлебца, гусь фаршированный различной начинкой. Ушица дважды в неделю, да щучки под сливочным, чесночным или грибным соусом. Караси в сметане и сочная севрюга. Слегка припущенные на жару овощи, да гарниры по заказу. Слоечки, пирожки духовые, пироги румяные... А хлеб! И черный, вам, с солодом да «пенистой» корочкой, который так и хочется натереть чесночком, с селедочкой или зеленым лучком, с салыцем, под водочку. Серый – с овсяными хлопьями, семечками, да изюмом. «Пампушечки» с чесночком, «пальчики» с сыром. И наконец – белый! С хрустящей корочкой, с запахом детства и молока, парного, домашнего....

Еще, где-то в дальнем помещении, совсем тихо, поскрипывая и шипя, не мешая и не отвлекая, а добавляя в атмосферу ресторанчика особенный колорит, звучал голос Петра Лещенко:

«...Не уходи,
Побудь со мной ещё минутку,
Не уходи,
Мне без тебя так будет жутко,...»

В общем – комфортабельно. Вот только одно смущало буквально всех, кто приходил в ресторанчик – полочки с бокалами, разнообразной формы и размера, цветовой гаммы и материала. Было их не много, около десятка, все необыкновенной красоты, но исключительно по одному.

Пожалуй, не было ни одного гостя, кто не остановил бы на этой выставке свой взгляд, кто не задался бы вопросом: «К чему?» или «Зачем?» они тут поставлены. Но даже самый «старый» посетитель так и не решился озвучить вопрос.

Он пришел сегодня третий раз, заранее уточнив время обеда, присел за маленький круглый столик на двоих, в самом скромном уголке, аккуратно напротив бросающихся в глаза бокалов, и ждал свою «Солянку». Нет, он не просто так зашел. Он бывал здесь и ранее, в прошлые командировки. И этот ресторанчик его обворожил, и в первую очередь снедью. Понравилось все, но «Соляночка», она-то, уж больше всего!

В «энный» раз пробежался взглядом по полочкам, по рамочкам, заглянул в окно, как услышал мелодичный стук каблучков. Дама, средних лет, выхоленная, в дорогом костюме,

сидящем на ней так, словно это была ее собственная кожа, с серьезным выражением лица, что и не отвлечешь даже самым основательным вопросом, прошла мимо, водрузила бокал, неповторимой здесь ранее формы, на очень высокой и узкой ножке, на полку. Развернулась, не глянув даже в зал, быстро удалилась, оставляя за собой шлейф аромата и рождающегося желания сблизиться. Он-то и рассмотреть ее лица, как следует, не успел, лишь уловил правильные черты, бархатистость кожи и лебединый изгиб шеи, зато дрогнуло внутри все, воспламенилось, загорелось...

В это самое время ему принесли заказ и мужчина, будучи под впечатлением, каким именно, было понятно только ему, спросил то, что интересовало практически всех, многие годы:

– У вас часто бьют посуду?

– Да нет. – ответила официантка. Собралась было уйти, как посетитель взял ее за руку, не замечая, что приковал к ним внимание всех, кто был в ресторане.

– Простите! Просто... Только что, пополнилась полка. Эээ, даже не знаю, как правильно сказать. Я вижу..., бокалы все не дешевые. Наверное, и сделаны на заказ.... Вот только.... Как-то не вяжутся к интерьеру.

– Ах, вы об этом. Да..., – девушка лишь на миг задумалась, прищулив глаз: – коллекция «разбитого сердца», – снова пауза и взгляд на дверь, за которой скрылась дама: – нашей хозяйки.

– Что вы говорите.... – сочувственно качая головой, смотря мимо собеседницы, произнес клиент.

В зале повисла небывалая тишина и только из кухни, где повара готовили заказы, доносилось позвякивание посуды.

– Правду! – ответила официантка, да таким тоном, что было не понятно, шутит или серьезно. Она не наклонилась, что бы сообщить именно ему, не произнесла свою речь тихо, что бы та не разлетелась по залу.

– Так вот отчего у нее столько грусти в глазах.

– И еще оттого, что она, именно сегодня, потеряла любимого мужчину.

– Простите! – воскликнул мужчина и даже поднялся, а на лице была готовность бежать и защищать ту милую, но строгую даму, от всех невзгод. Но он не помчался, а выпалил достаточно нелепую фразу. – Как печально..., такая милая и «черная вдова»!

– Господи! Да нет же! Ее мужчина, этот, жив и здоров. Он всего лишь влюбился в другую. Посетитель сел, взял салфетку, но тут же бросив ее на стол, поднял голову к девушке.

– Просите прощение у хозяйки за мою бестактность. И... Я просто подумал... Их, бокалов, тут так много.... И вообще, как вы можете?!... Так говорить...

Девушка мило улыбнулась, не рассердилась, не растерялась, не поспешила уйти. Бросила взгляд на коллекцию, затем на всех гостей, причем, не переставая мило улыбаться. Вернула внимание к своему клиенту и пояснила:

– Бокалы.... Вон те, что с печальными черными ножками, грустят о тех, кто ушел в мир иной. Остальные же... – тут она вздохнула, но сразу же гордо подняла подбородок, произнося громко, с достоинством: – Имею право! Она моя...

Глава 1

Граф, Алексей Павлович Киселев, был единственным наследником отца, счастливым, успешным и знатным мужем. Приумножив полученное наследство, родив четырех дочерей, разделил все движимое и недвижимое имущество на пять равных частей наслаждался тихой жизнью в имении, лишь изредка, для баловства своих женщин, выезжал в свет, или принимал у себя, пока дочери были маленькие. Но вскоре все изменилось – балы, приемы, как театры или просто прогулки в парке увеличились, дочерям необходимо было найти подходящие партии. Наконец трое успешно вышли замуж, причем зятя пришлось к дому, были ему как сыновья, принесли к капиталу девочек свои немалые доли, возлюблены маменькой, уважаемой Антониной Михайловной, его супругой, за покладистый характер и умение к месту отпустить комплимент. И только младшая, его любимица и сорванец Нана, отказывала всем без исключения. Алексея Павловича это не расстраивало, молода еще, всего двадцать два, а вот Антонину Михайловну, женщину своенравную, с крутым, мужского склада характером, это начало злить и она, все чаще напоминала дочери, что та – старая дева! Нана хохотала и чтобы избежать маменькиных порицаний, все чаще пропадала в кондитерской лавке, приобретенной папенькой для улады женушкиных слабостей.

Кондитерская лавка «КиселевЪ и Кі», была самой известной в городе, пользовалась спросом, разнообразием выпечки и заморских сладостей. Антонина Михайловна могла бы проводить в ней недели, не возвращаясь домой, но, как ей казалось, домашний лад рухнет без ее чуткого руководства, а дочери, вырастут глупыми и невежественными. Дочери выросли, и только Нана, гонимая в детстве птиц на заднем дворе, с палкой и парой сынишек их прислуги, все чаще и дольше проводила время у печи, надев на свое атласное платье белый фартук и нахлобучив на голову, не боясь растрепать искусно уплетенных кос, кондитерский колпак. С ее приходом лавка приобрела новое веяние и уже в ней можно было, не только купить кренделя и баранки, но отведать заморского кофЭю с кусочком сочного, фруктового пирога.

Нана – Наталья Алексеевна Киселева, стройная, достаточно образованная для 19 века барышня, владеющая свободно французским, имеющая красивый звучный голос и музыкальный слух, умело скрывала за пышными одеждами сильные руки и упругие икры ног, накаченные в детские годы игрой с мальчишками в салки и другие не девичьи игры. Она запросто могла переставить бидон с молоком, переместить куль с мукой, не ожидая подмастерья. Да и с тестом управлялась справнее их кондитера. Мать вздыхала, но пока дочь находилась в лавке, была более-менее спокойной, считая, что та, наконец, хоть чем-то пошла в нее. Однако не упускала случая, напомнить:

– Наталья Алексеевна, не пора ли задуматься, так и в девах остаться немудрено! Вон, всех приличных женихов разобрали.

– Не печальтесь, матушка! – отвечала, смеясь, девушка. – На мой век, воздыхателей хватит!

– Я не печалюсь, Натушка! Я уже серьезно тревожусь!

Подобные беседы проходили по несколько раз в день и всегда заканчивались смехом от брошенной шутки Наны. Но вот уже несколько дней как Антонина Михайловна прибывала в полном гневе и, прежде чем выплеснуть его на несносную Нану, собиралась разругаться с мужем, который вторую седмицу был в отъезде по своим, банковским делам. Во вторник, к полудню, она наведлась в лавку, проверить порядок, счета и прочее, как заметила молодого, высокого молочника, нагло глазающего на ее дочь. И! Что привело ее в полуобморочное состояние, ответный взгляд ее Натальи, полный кокетства и заинтересованности. Нет, она бы непременно грохнулась в обморок, закатила бы истерику, обязательно заболела и привязала бы дочь к своей кровати, что бы та не сунула даже носа на улицу, если бы не ее характер – стальной

и выдержанный. Если бы не ее привычка иметь поддержку от мужа, при каждом своем слове, как утвердительный факт собственной правоты. И она стала присматриваться, принохиваться, приглядывать!

– Это непостижимая наглость! – гневно высказывалась Антонина Михайловна мужу, да так громко, что весть разнеслась далеко за пределы закрытых дверей кабинета Алексея Павловича. Он вернулся три часа назад, но успел пожалеть о раннем возвращении и изрядно проголодаться. Однако и бровью не повел, чтобы сделать жене замечание, а уж тем более сообщить о голоде. Зато Наталья, разбуженная криками маменьки, смело, без спросу, вошла в кабинет отца и попыталась утихомирить родительницу. Естественно это не помогло, а только усилило ярость женщины. – И рот вы мне не закрывайте! Я имею право излить все, что думаю! И даже более – запретить!

– Душа моя! – наконец подал голос Алексей Павлович. – Как мы можем Вам возразить, если даже не знаем причину Вашего недовольства.

– Недовольства! Ну, знаете-ли! Это уже из ряда вот выходящее неуважение!

– Так Вы поясните мне, дорогая моя женушка. Осмелюсь напомнить, я только что вернулся.

Это кроткое напоминание достигло цели и Антонина Михайловна, выпустив пар громким вздохом, уселась в кресло и вцепилась в подлокотники, давая понять всем своим видом, что и с места не сдвинется, пока не добьется того, чего хочет. Лицо ее пылало, а на лбу выступила испарина, но она этого не заметила, правда, говорить стала тише.

– Нам срочно надо сменить молочника!

– Да зачем же?! – удивился Алексей Павлович. – Мы пользуем его услуги более десяти лет и ни разу, ни один продукт не доставил нам хвори.

– Зато сын его – нахал!

– Ну, маменька, это слишком!

– Я, прошу заметить, еще мягка к Вам, Наталья Алексеевна! К Вам и неприличному Вашему поведению!

– Да чем же я Вас так разгневала?! Днями тружусь в, простите, Вашей лавке. Да, мне нравится в ней бывать. Что ж тут позорного, что я люблю возиться с тестом? Как мне казалось, именно в ваш кошелек падает плата за мою забаву.

– Ха! – Антонина Михайловна оглядела дочь с ног до головы и вернула взгляд к мужу. – Это она называет забавой! Словно простолюдинка, кухарка, строит глазки этому наглецу.

Алексей Павлович вернулся к своему столу и удобно уселся в кресло, поняв, что пока жена не выплеснет скопившееся за время его отсутствия, поесть не удастся. А Нана, догадавшись о чем пойдет речь, настроилась обороняться до конца:

– Кажется, я не давала Вам, матушка, повода меня оскорблять!

– Я еще и не начинала!

– Так начните с сути, а не переходите на личности!

– И скажу! – снова повысила голос Антонина Михайловна. – Мы с отцом отдали вам все: молодость, достаток, заботу и любовь. Мы вложили в вас все ценное, что у нас было, я, так в особенности. И вот чем ты мне платишь!

– Ну, о Вашем, матушка, вложении, я бы громко так не говорила. – тем же тоном начала отвечать Наталья. – Няньки, гувернантки и те были со мной чаще, чем Вы, дорогая моя матушка.

– Не дерзи мне! Я трудилась в поте лица, чтобы дать тебе все лучшее!

– Ну, ваши игрушки трудом тяжело назвать!

– Милые мои дамы, хватит! – ударил по столу Алексей Павлович. – Только склок мне тут не хватало! Нана – сядь и помолчи! А Вы, Антонина Павловна, прошу, объяснитесь!

Антонина Павловна словно и не поняла замечание мужа, адресованное именно ей, однако присела и заговорила:

– Третьего дня пришла я в лавку, проконтролировать работу. И что я вижу?! Этот недо-росль, сын молочника, пялится на Наталью. А она, Ваша дочь, бесстыже строит ему глазки!

– Не правда! – Наталья даже шлепнула себя по коленкам. – Он не пялился, а вежливо поздоровался. Я всего лишь ответила милому, достаточно культурному человеку.

– Это он культурен?! Этот крестьянин?!

– Да, он не дворянских кровей, но это не уменьшает его человеческие качества.

– Нет, вы только посмотрите на нее! Может, ты еще и замуж за него пойдешь, раз уж в высшем обществе для тебя нет партии?!

– И пойду! – гордо вскинула подбородок Наталья, хотя даже не думала об этом. Ей просто нравился этот сильный, не заносчивый паренек. Нравилось то, с какой любовью и почтением он смотрел на нее. Его бархатный, но в то же время уверенный голос.

– Вот только попробуй! – воскликнула Антонина Михайловна. – Выгоню и наследства лишу!

– Подумаешь!

– Вот тогда и думать будешь!

– Стоп! – Алексей Павлович встал и, обойдя стол, стал между ними. – Лишить Вы, уважаемая Антонина Михайловна, наследства никого не можете, этим я распоряжаюсь, равно, как и выгнать. Что же до Вас, милая моя дочь, то жизнь – ваша, и строить вы ее будете, как сочтете нужным и с кем! На этом и покончим. Не пора ли, Антонина Михайловна, вспомнить непосредственно свои обязанности и распорядиться накрыть стол, муж с дороги.

На этом перебранки в семье Киселевых закончились. Более того, прошло время, и Наталья сообщила родителям, что некий молодой человек, собрался просить у них ее руки. Что было в душе у Антонины Михайловны, осталось ее тайной, но день назначила она и даже, по семейной традиции, к сватовству, приготовила пару свадебных бокалов.

– Маменька! – воскликнула Нана. – Я Вам так благодарна! Но осмелюсь задать вопрос. Все бокалы из искрящегося венецианского стекла, отчего же наши белые.

– Ну, надо же как-то разнообразить!

– Ой, сдается мне, причина тут в другом.

– Не стану лукавить, есть смысл в твоём подозрении. Сделала я это не случайно, а для того, что бы когда тебе наскучит мужланство суженного, ты помнила где его подобрала. – не боясь обидеть, ответила Антонина Михайловна и оставила дочь одну.

В большой комнате, в центре которой стоял огромный круглый стол, находилась высокая, из красного дерева, с резным орнаментом, горка для посуды, но посуды, как таковой, в ней не было. Сервизы и прочее помещались в массивных шкафах, по две стороны от стола. А в горке, на первой полке, в самом центре стоял графин, всегда полон крепкого, коричневого напитка. Его окружали маленькие, узенькие, сверкающие рюмочки. За ним – другие графинчики, по меньше, по круглей, совсем гладкого стекла и узорчатые, с узкими или широкими горлышками, с разными наливочками. Остальные же полочки были заполнены парными бокалами. Первыми, с ножками из серебра, с яркими рубинами в центре – глав семейства, Алексея Павловича и Антонины Михайловны. За ним их старших дочерей, еще дальше, как кубки, передаваемые в наследство, бокалы предков. Некоторые совсем потемнели, кое какие имели трещинки. Два новых, белых, словно наполненных молоком, круглой формы, с непонятными переплетениями, после свадьбы Натальи и Григория, застенчивого молодого мужчины, в два метра ростом и с плечами в аршин, сына фермера, водрузили как сирот на самую нижнюю полку, да так, что случайно и не заметишь, а лишь, если наклонишься, да приглядишься.

По началу это смутило Наталью и она уже хотела устроить маменьке скандалъ, как молодой муж обнял ее, скромно улыбнувшись, сказал:

– Пустое! Зато не завидуют. Нам же на счастье.

Так все и осталось.

Ключ от горки был только у Антонины Михайловны, и она никому не доверяла трогать дорогие ее сердцу вещишки и даже подавать к столу графинчики. Раз в месяц, она доставала все из горки, выставляла на большой стол, натирала каждый предмет белейшим льняным рушником, с вышивкой по краям и красной бахромой, присматривалась к каждому из бокалов, приподнимая его к лицу, ловя солнечный свет, проникающий в большое окно, иногда вздыхала или качала головой, но чаще улыбалась и ставила все аккуратно на свои места. Горничные девки, помогающие ей по хозяйству и приученные быть недалеко от хозяйки, реагировали на ее уборку по-разному. Набожные – крестились, а более смелые норовом – обзывали ведьмой. Дочери, покуда были маленькие, крутились рядом и обижались, если не давали им поиграть с красивой рюмочкой. Став подростками – хохотали над материнским пристрастием к чистоте, а затем и вовсе потеряли интерес к данному мероприятию.

Прошло пять лет со дня свадьбы Наны. Внуки старших дочерей, приезжая в гости, поднимали ор, носились по комнатам и Антонина Михайловна, частенько выпроваживала гостей, не удосужив, по приличию, и обедом накормить. А вот дочка Натальи была девочкой ласковой и кроткой. Обнимет бабушку, непременно расцелует в обе щеки, скажет какая та у нее красивая и добрая. Сто раз поблагодарит, за любое угощение, да и гостинец отдаст сразу, коей родители приготовили. И к зятю Антонина Михайловна начала привыкать, да во взгляде добреть. Он к ее кондитерской лавке пристройку сделал, да отдал ей, чтобы обставила все по собственному нраву. Так у нее появился маленький ресторанчик, которым управлять она поставила своего же зятя. А тот и от отца мясо привезет, молоко, маслице, да овощи. Все свежее, добротное. Люди довольны, прибыль у Антонины Михайловны растет, сердце ее радуется.

Решила она в знак уважения к семье младшей дочери, сделать подарок и поставить их свадебные бокалы в один ряд со старшими детьми. Раскрыла тяжелые шторы, впустила свет в комнату, достала ключик, что всегда висел у нее на связке, и ахнула – бокалы-то, посветлели. Были матово-белые, словно засохшее молоко, а теперь прозрачные стали, края горят, словно хрусталь. Решила никому не говорить, уж больно характер у нее крутой был, не могла показать, что ошибалась, да не смогла сдержать крика, едва перевела глаза к другим бокалам. Один, из пары старших, стоял, словно в паутине. Взяла его, к окну подошла, что-то еле слышное нашептывая. Девка, горничная, что всегда за ней таскалась, крик ее не правильно поняла. В комнату не заглянула, а за хозяином побежала, подумала беда. У него, Алексея Павловича, как раз зятя собрались, серьезные дела решали. Все и примчались на крик девки. Антонина Михайловна у окна стоит, в лице покраснела, бокал трет. А как увидела мужчин, так еще хуже сделалась – позеленела, рукой с бокалом трясет, да сильным голосом громогласит:

– Вон! Подите вон! А ты, – уставилась на старшего зятя, в глазах гнев, губы побелели и сжались в ниточку: – Вообще с глаз моих исчезни и в дом больше не смей носу казать.

Муж к ней, а она его отталкивает, да все грозит зятю. Молодые мужчины вышли, Алексей Павлович усадил жену, хотел забрать бокал, но та не дала, в лицо ему им тычет, да приговаривает:

– Вот ведь, пригрели змею на груди!

– Душа моя, Антонина Михайловна! Да что Вы говорите такое?

– А ты разве не видишь?!

– Вижу – дочери все счастливы, достаток крепчает, внуки растут. То Вы, душечка, одним не довольны были, теперь за другого принялись. И ведь беспричинно.

– Как это без причины?! А это?! – она потрясла бокалом. – Неужели не видите, он паук.

– Так паук или змея? – попытался пошутить Алексей Павлович, но сам же понял – не до шуток. – Потрескался бокал, что такого, видно качество стекла было низкое, или стукнули ненароком. Вы же их все трете и трете. Прошу Вас, Антонина Михайловна, прекратите шуметь, да небылицы сочинять, которые же сами и боитесь.

– Качество было высшей пробы. Еще моя пробабка пользовалась услугами мастеров этой фамилии. Сказки! Не трещинки это, не трещинки! Паутина это, сказ нам. Но Вы, как я погляжу, слепы и глухи! Что до меня, так я никого и ничего не боюсь! А Вы, дорогой мой супруг... Ну, ничего, скоро все прояснится. А мне опять придется действовать самой! – с гордо поднятой головой, заперев горку, забрала с собой бокал.

Что она делала с ним, никто не знает, да и не видели его больше. Как и зять, в доме больше не появлялся. Наутро, приехала ее старшая дочь, да сразу в будуар к матушке, двери не закрыла, без приветствия накинулась:

– Как Вы могли, маменька, так обидеть моего мужа?! Он с вечера чернее тучи. Всю ночь в кабинете простонал. Вы даже не представляете, каких трудов мне стоило, узнать о вашей ссоре.

– А мы с ним и не ссорились. Я просто разглядела его личину. И поверь мне, этот Уж, еще покажет себя.

– Прекратите оскорблять моего супруга! Он для Вас столько сделал.

– И что же он для меня сделал? Все только тянет и тянет.

– Это Вам только деньги важны.

– Прекрати!

– Это Вы уgomонитесь! И еще, я требую Вашего извинения. Сейчас же напишите приглашение к ужину и вечером, при всех попросите прощения.

– А то что? Смотри, как бы самой на коленях ползать не пришлось, прося моей милости.

– Злая Вы, матушка. Злая и жадная! – сказала и как пришла, так и ушла, оставляя все двери распахнутыми.

Антонина Михайловна только вздохнула и с того дня все чаще запиралась в своей комнате, да что-то нараспев причитала. Алексей Павлович лишь пожимал плечами, но вмешиваться не спешил.

Через неделю вернулась старшая дочь, с детьми, да багажом. С маменькой не встречалась, и детей старалась держать на своей половине. Попыталась пожаловаться Наталье, сестре своей младшей, но та и слушать не захотела:

– Прости, Любонька, но это ваши с маменькой дела. Вы разругались, вам самим и мериться. А если хочешь знать мое мнение, то муж твой прохвостом был и помрет таковым. Считаешь меня глупой, а сама не замечала, что у тебя под носом делается. Да он же с каждой девкой шуры-муры крутил.

– И ты туда же. Спасибо хоть сейчас сказала.

– А ты бы слушала?

Конечно же, Антонина Михайловна знала о возвращении дочери, да и о том, что зять раздела капитала потребовал, хотя муж ей этого и не говорил, сам решал возникшие трудности. Три дня выдержала, а на четвертый велела стол в большой гостиной накрыть, да всю семью позвать. Пообедали. Молча. А когда перешли к чаю, она и заговорила:

– Вижу, пришел момент для серьезного разговора. – в эту минуту, муж, по обыкновению, так сказать для смягчения восприятия ее заявления, намекнул на наливочку и она подошла к горке. Побледнела, за сердце схватилась. Но наливочку достала, мужу отдала. Сама же присела и с минуту молчала. – Да... – наконец заговорила она: – недооценила я случившееся. Что, у мужа твоего, Любовь, новая зазноба появилась? – дочь лишь вздохнула. – Не чиста она и помыслы ее. А я не столь сильна, что бы ей противостоять. В воскресенье все пойдете в церковь, спозаранку, да отстоите службу полностью. Мне одной побыть надо. – тут же ушла

в себя, сидела и смотрела в дальний угол комнаты. Семья покрутилась немного подле нее, да разошлась. Остался лишь Алексей Павлович, стал перед женой, замер в ожидании. Поднялась Антонина Михайловна, открыла дверцу горки, указала на бокалы. У их с мужем пары ножки темнеть стали, у средних детей вообще один мутным сделался. – Давно надо было, да я все надеялась. – говоря загадками, заперла горку, прошла в свою комнату, где часто закрывалась одна и где кроме икон, свечей и креслица, был небольшой лишь комодик. Открыла его, достала тот злосчастный бокал, который наделал столько шума в доме, развернула ткань холщевую, в которой сберегала, а бокал-то был уже не просто тусклый, серым стал, как шкурка крысы. Вздохнула еще раз и в сердцах, бросила его об пол. Разлетелись осколки, по всей комнате. – Вели убрать здесь. – обратилась она к мужу. – Да полы родниковой водой вымыть.

Муж спорить не стал, приказал прислуге убратся в комнате, да сам проследил, чтобы все было сделано, как велела жена. А на утро все вместе, кроме Антонины Михайловны, отправились на службу. Выстояли с почтением, возвращались с воодушевлением. Думали ли все, что там маменька делает одна – не ведомо, а в голос, едва завидев крышу своего дома, возвышающуюся среди прочих, спросила Люба:

– Папенька, как думаешь, чем там матушка одна занимается?

– Тем, чем ей надобно. – ответил он строго, пресекая продолжение данной темы. – Ты-то, с обиды на мужа не ищи камней за пазухой у тех, у кого их и быть не может.

Хмыкнула в ответ Люба, взяла детей за руки покрепче, да поспешила вперед.

А осень призывала к прогулкам. Окрасив листву в золото, расплывалась жаркими днями, балуя песнями птиц, да беготней детворы с рассвета, до самого позднего вечера. Молодежь свиданничала. Девки, трудясь в полях, оголяли плечи, да повязывали юбки повыше, привлекая мужские взоры к их крепким стройным ногам. Только в семье Киселевых, как не старалась Антонина Михайловна, цепочкой связывались волнения. Слег Алексей Павлович от неведомого никому недуга. Худел, лицом серел. Да и сама Антонина Михайловна, ухаживая за мужем сутки напролет, не сияла здоровьем. Долгие тянулись дни у его постели, а ночами, доверяя супругу Наталье, да девке горничной, закрывалась в своей комнатке и, как думали все, молилась, молилась. Едва он стал на ноги, как новая беда потрясла их дом – пьяный ямщик, не удержал лошадей. Повозка, в которой возвращался с поездки муж второй по старшинству, дочери Светланы, Артемий, перевернулась и он выпал под нее. Схоронили. Слегла сама Антонина Михайловна. Никого к себе не подпускала, все пила собственного настоя, травяные снадобья, да читала молитвенник. Вроде как и поправилась, но глаз потух, плечи ссутулились. Радовалась лишь приходу внучки младшей, дочери Натальи. Да когда к ней Наталья муж захаживал. Все винилась ему, что плохо о нем думала.

Прошел год. Вроде поутихли горести в семье Киселевых. В один из дождливых вечеров Антонина Михайловна призвала Наталью к себе. Та пришла сразу, стала в дверях, в ожидании.

– Да проходи ты, садись! – позвала ее мать, похлопала рядом с собой по диванчику. – Только прикрой плотно двери. Разговор будет долгим.

Дочь прошла, присела покорно, мать вздохнула:

– Думала разговор этот с дочкой твоей вести, да видать не дождусь я ее зрелости.

– Бросьте, мама, весна придет, все мы окрылимся и радостно запорхаем.

– Может быть. На все, ведь, воля Божия. Но я не жалеть себя, тебя пригласила. Хочу передать то, что мне от матери и бабки досталось.

– Вы бы лучше всех позвали, а то обидятся на меня сестры.

– Не обидятся. Не материальное это. Душевное. А им знать вообще ненужно, как и мужчинам. Хотя муж у тебя золото. Да и хозяйственный. Умелец, одним словом. Ты уж прости, что противилась.

– Давно было, быльем поросло.

– Точно. Вон как вы лавку-то мою подняли. Да и харчевня скоро рестораном станет. А с чего все начиналось? С булочек и кренделей. А он вон что сотворил. Небось бедняк и не захаживает.

– Так у Вас, маменька, и так простой люд не хаживал.

– Не правда, по светлым дням, да на праздники, неимущим гостинцы раздавала. Неужто не помнишь?

– Как не помнить, многое помню. А для простых людей, Григорий Савельевич соорудил, некое подобие трактира. Кухня там простая, да на выезде из города. Говорит, чтобы если напьются, то горожанам не мешали.

– Хорош зять у меня. Всем хорош. Лестью не маслит, все делом. Ну ладно, живите с Богом. Теперь о деле. – Она поднялась, подошла к комоду и принялась доставать нечто в льняные полотна завернутое. Ставила очень бережно, как и разворачивала. Нана подошла ближе: – Помнишь?

– Ой, а я и не заметила, что Вы их с горки убрали.

– Убрала, когда беда в дом пришла. Надо было, чтобы на глазах у меня бокальчики были.

– Интересный Вы, маменька, человек. Беда в дом – вы бокальчики прячете.

– Брось перебивать меня, да хихикать! Не простые это бокалы!

– Само собой. Они же венчальные, да вами сделанные.

– То-то и оно, что венчальные. А прятала, от сглаза. И если ты послушаешь пять минут, то все поймешь.

– Так я Вас всегда слушаю. Вы говорите.

Антонина Михайловна оглянулась на дочь, думала, та по обыкновению насмехается над ней, но Наталья была серьезна.

– Это Ваши! – бережно развернула и поставила вперед те самые причудливые, круглой формы, словно бочонки, два бокала и словно детей, погладила каждый.

– Ты смотри, блестят-то как! – восхитилась Наталья Алексеевна. – А были же не прозрачные, белесые.

– Были! Тогда я думала, что ты нарочно мне замуж бежишь, вот и заказала, в память, так сказать, о твоей взбалмошности. А года открыли мне глаза на многое.

– Ну, Вы тогда недалеко от истины были. Нравился мне муж, сильно нравился, но чтобы уж любить его до беспамятства, такого не было. А с каждым днем, муж мой одаривал и наполнял меня чувствами. Теперь и часу без него не могу, душа горит, как надолго уезжает.

– Это хорошо. Значит вместе вам и старость коротать. – тут Антонина Михайловна развернула еще ткань и поставила на стол, чуть в стороне, один бокал. – Не то, что сестры твоей, Любы.

– Матушка, ну что Вы такое говорите?! Ну, с кем не бывает. Загулял мужик...

– Загулял! Ты это на что намекаешь? Негоже так даже думать, а не то, что за правила брать.

– И что ей теперь, самой доживать? Или его, прикажете к позорному столбу привязать да сечь?

– Эх, нравы! – Антонина Михайловна отложила свое занятие и повернулась к дочери. – Неужели ты думаешь, я не знаю, как люди живут? Полагаешь, я не ведаю, что мужи вместо грелок, девок в постель берут? Или не знаю, что некие жены, от скуки, с конюхами время проводят. Знаю я, как свет живет, как дворяне себя ублажают. Но не в моем доме, не в этих стенах, и не наш род пачкать! Аль ты своего отца в чем подозреваешь?

– Упаси боже! Наш папенька – ангел воплоти! И Вы, матушка, не меньше. Вот только не пойму, неужели вы не замечали хитрый, бегающий взгляд Любиного супруга?

– Моя провинность – не распознала. За это и страдала не меньше всех вас. А он, теперь долго помнить будет!

– Что Вы с ним сделали, маменька? – Наталья испугалась, и у нее заколотилось сердце так, что и дышать не могла. Антонина Михайловна поняла это и приоткрыла оконце.

– Да не я, а зазноба его. Пока я нашу семью от ее черных дел спасала, ее колдовство на него перешло и иссушило.

– Колдовство! Матушка, вы же верующий человек. В церковь ходите...

– А ты что думаешь, Бог есть, а нечистой силы нет? Или если ты в нечистого не веришь, то все зло – это сказки.

– Не знаю. Не думала...

– Думай, тут, не думай, а знать надо. Давай прекратим болтать и за дело возьмемся. – и она более быстро развернула все бокалы и поставила поодаль от одинокого бокала Любы. – Это моих прародителей. Видишь, как состарились, но все еще ловят искру света? Это от того, что они чистейшей души люди были и ушли друг за дружкой. Это моих родителей. Вот этот, что кровью налил – отца моего. Убили его.

– Я помню. И как бабушка болела.

– Да, долго жила, но с постели встать не могла. Вот и бокал словно высох, будто истощился.

– И, правда... Похоже на это.

– А вот этот почернел, за сутки до того, как Артемий погиб. Я как увидела, что с бокалом сделалось, молиться принялась. Вас пугать не хотела, заранее. Но видно поздно было. Но душа его ввысь улетела, это я точно знаю.

– Неужели Вы все это в них видите?

– Сейчас все поймешь. – Антонина Михайловна улыбнулась даже и достала несколько книг. – Это правильные книги, священные. Ты их обязательно прочти и держи в надежном месте, но под рукой. А вот эта маленькая тетрабочка, она передается только из рук в руки. И не дай бог тебе ее потерять! Если худому человеку попадет, то столько зла на свет выйдет!

– Так зачем она, если хулу в мир несет.

– Не так это! Все слова в ней к счастью и радости. А злой глаз из чистого ангела, падшего сделать может.

– Увы, тут я с вами соглашусь.

Антонина Михайловна взяла книги, подошла к диванчику и кивком головы позвала дочь присесть рядом:

– Много говорить не стану, сначала прочти. Вопросов будет немало, отвечу на все. Главное скажу сейчас. Дочь твоя следующая, кому ты передашь и книги и учение, и тайну бокалов. Да и имя мастера, кто их делает. А дальше ты уж сама разобрать должна, кому наследие передавать. Одно помни – бокалы венчальные, как и люди, хрупки и податливы к окружающему миру. Тело наше – сосуд, в который Господь влил жизнь. И бокал – сосуд. В него вино наливают, кровь господню, пригубив, с жизнью своей соединяют. Вот отсюда и взаимосвязь. Поэтому их беречь надо, да читать знаки, кои нам посылают.

Глава 2

Святки. Уходил год, унося пережитое, хорошее и плохое и уводил за собой девятнадцатый век. В воздухе витало не только праздничное настроение, но и необыкновенная настороженность от надвигающегося чего-то нового, неизведанного, таинственного. Как и чувство больших перемен.

Антонина Михайловна и Алексей Павлович достигли почтенного возраста и, не считая времени, доживали отведенные годы в домашнем уюте и радости от любования детьми. Алексей Павлович полностью отошел от дел, назначив своим поверенным сына своего друга, который наследовал от отца адвокатскую контору, со всеми клиентами и теперь бывал у них в доме каждый день, делая отчеты, да поглядывая на молоденьких барышень, подросших внушек Киселевых. А их в доме было много. Да, внуков у Алексея Павловича и Антонины Михайловны было десять! Восемь барышень и два отрока, кадетского возраста. И управляла ими Антонина Михайловна, женщина властная, не покладистая, как их матери, с пронизывающим насквозь взглядом. И если молодежь позволяла себе бросать шуточки в ее адрес, то стоило ей появиться рядом, как все заливались краской, даже юноши. Внуки, Иван и Александр, в доме бывали редко, лишь на праздники, а вот внуки, за исключением самых маленьких, жили в имении постоянно, обучаясь в местной гимназии благородных девиц. Два раза в неделю приходил репетитор французского и учитель музыки, педагог в возрасте, солирующий в городском театре. Антонина Михайловна присутствовала при каждом занятии, сидя в огромном кресле, определенном ею у самой двери, контролировала. Засыпала, под монотонное нытье клавиш и протяжного повторения французских глаголов. Клевала носом. Но стоило вырваться неосторожному смешку, как она открывала глаза, бросала на присутствующих искрометный взгляд и, не говоря ни слова, задирала подбородок. В классной комнате воцарялся полный порядок, соответственно до тех пор, пока не смыкались ее веки. В праздничные дни домашние занятия отменялись, собиралась большая семья, съезжались все дети достойных Киселевых и Антонина Михайловна, стуча тростью, нарочно громче обычного, прохаживалась по коридорам, призывая всех к порядку.

Две внуки из восьми были ближе всего к бабушке. Любимица Нюся, крещенная Анной, дочь младшей дочери Натальи и Тося, дочь старшей дочери Любы, названная при рождении Анастасией. И если Анна, с детства была послушна, приветлива и сдержана, всегда с почтением и внимательностью слушала бабушку, то Тося, будучи непоседливым ребенком, выросла шумной, спорящей со всеми по любому поводу и бросающей колкости, всем без разбору, не думая о последствиях. Им, двоим, был неограниченный доступ в покои бабушки, где Антонина Михайловна, не навязчиво, старалась подготовить Анну к бремени быть ее преемницей, естественно после матери, ну и помощницей ей в тайных делах доверенных ею.

Тося же возникала всегда неожиданно и своим появлением прерывала любые серьезные темы. Остальные, внуки и внуки, вообще старались как можно меньше попадаться на глаза бабке. Дружили ли дети, были ли близки? Скорее да, чем нет. Ссоры возникали, естественно. Судьей была Антонина Михайловна, и наказание получали все. Но и стояли друг за дружку горой, даже в пустяковых провинностях.

В этом декабре Тосе исполнилось тринадцать. И вместе с табелем об успеваемости, она принесла записку от классной дамы, в которой размашистым почерком было две фразы: «Прошу явиться родителей! Возмутительно дерзко поет.» Прочитав сие послание, Антонина Михайловна оценивающе глянула на внучку, выдержала три минуты, кои для Тоси были впервые нетерпимы и она позволила себе даже испугаться, и огласила:

– Ступай к себе! Я поеду сама.

– Бабушка, позвольте пояснить!

– Я сказала, ступай к себе!

Тося попятилась, в недоумении чего ждать. Дойдя до двери, еще раз попыталась заговорить и снова ее перебила Антонина Михайловна:

– Коль виновата – получишь до краев. Но запомни, никогда не оправдывайся.

Эти присланные, неуважительные две фразы, без малейшего почтения к их фамилии, задели за живое Антонину Михайловну и она, негодуя, еле дождалась рассвета.

Оказалось, что уже месяц, как внучка ее, приходя в класс на первый урок, поет «Марсельезу». Последнюю неделю, исполняющий ею гимн, в протест чего, никто из учителей не знал, пели все девицы гимназии, и пресечь это не смогли ни одним порицанием. Домой Антонина Михайловна приехала довольной. Внучку к себе не звала, держала в томлении. За ужином, в большой столовой, где за круглым столом собралась огромная семья Киселевых, Антонина Михайловна появилась последней. Присела на свое место, прищутив глаз, прошлась по всем лицам и, задержавшись на Тосе, скривила старческий рот в подобии улыбки, заявила:

– Ну-ка, рЭволюционЭркА, продемонстрируй свой талант.

– Я не поняла... – начала Тося.

– Пой, говорю. Должны же мы знать, как силен твой голос, что дамочки позволяют себе меня гонять по морозу. Пой!

Тося запела. На припеве, тихо, ее поддержали сестры. Алексей Павлович покашливал, гладил жену по руке, призывая закончить, как он думал, экзекуцию, но супруга его была нема к нему и только голова ее покачивалась в такт голосу Тоси. Когда же та смолкла и осталась стоять с гордо поднятой головой, хлопнула по столу ладонью:

– Зайдешь ко мне перед сном, с полным пояснением. Приятного аппетита, всем!

Что уж за закрытыми дверями происходило, оправдывалась ли Тося, или наоборот, доказывала свою правоту, никто не знает. Однако Анастасия стала осмотрительней и сдержанней. И не только в стенах собственного дома.

Помимо фамилии было еще одно, что объединяло детей Киселевых – узкий, высокий, темного дерева, с резными углами, со всех сторон под стеклом, шкафчик, занимающий почетное место в комнате бабушки, ключи от которого хранились только у нее. В этой горке, как называла этот шкафчик Антонина Михайловна, хранились самые притягательные вещички, которые так хотели все ее внуки. И если все дети только вздыхали, видя «богатство», то Тося, неоднократно, со всей детской наивностью, спрашивала:

– Бабушка! Все старики умирают. А вы когда?

– Зачем тебе это? – неизменно вопрошала Антонина Михайловна.

– Хочу в наследство рюмочки! – так она именвала те прекрасные, разнообразные бокалы, спрятанные в горке.

Подросли, а желание овладеть бокалами, которые так бережно, в присутствии Антонины Михайловны, протирала лишь Наталья Алексеевна, не уменьшилось. Как и узнать о том, как они у бабушки появились. Да и для чего они ей, раз не пользуется. Она же избегала рассказов о бокалах, говоря лишь:

– Всему свое время.

Снова лютовал декабрь, засыпая «Старую Руссу» снегами, да пронизывая трескучими морозами, и торопил к концу первый десяток двадцатого века. Имение Киселевых становилось теснее с каждым годом. Все четыре дочери, со своими семьями, вернулись в родные пенаты, попрощавшись с собственными домами из-за растущей активности пролетариата. Внуки подошли к тому возрасту, когда необходимо было выводить их в свет. Но! Если гуляние в парках, театры еще и были в моде, то балы сократились, стараясь как можно меньше людей пускать в свой дом. Да и на Киселевых практически все смотрели исподлобья. Высшее дворянство и духовенство – за женитьбу Натальи с сыном молочника. Пусть тот и был зажи-

точен, слыл Кулаком, но все же середняк, неровня! А простой люд, хоть и обедал в их харчевнях за копейки, да по большим праздникам подарки получал, считали их классовым врагом, капиталистическим явлением.

И так: людей в усадьбе было много, пространства все меньше, шуму больше. Казалось, Алексея Павловича это не тревожило. Он днями просиживал в своем кабинете, контролируя дела, да встречаясь с поверенным. Выходил лишь к столу, да ко сну попрощаться. Супруга его не трогала, да и сама стала меньше гулять по дому, все больше находилась в своей светелке, иногда ее заставляли неподвижно сидящей перед горкой и разглядывающей свое «богатство». Даже громкий голос Тоси, распеваящий песни нового мира, не выводил ее из себя и не заставлял делать замечания. Старость – обозначили дочери. И большинство радовалось снижению ее гнета. Лишь Наталья все чаще вздыхала, по понятным только ей причинам. Внуки, кажется, даже забывали о стариках, пока не встречались нос к носу. Лишь Нюся с Тосей, по-прежнему, посещали бабушку каждый день.

Едва закрылась дверь за Анной, как Антонина Михайловна услышала легкое постукивание по двери и тут же та стала открываться. Сначала появился тонкий, чуть задранный носик, затем половина головы Анастасии, и только после этого дверь полностью распахнулась.

– Что, проверяешь? – совершенно не затуманенный взгляд Антонины Михайловны, в ореоле старческих морщин, скользнул по внучке и вернулся в поле своего внимания.

– Вы о чем? – Тося прошла в комнату и стала рядом с горкой, с интересом разглядывая то, что знала до мелочей.

– О наследстве! – легкий смешок вырвался из уст Антонины Михайловны, но тут же она наморщила лоб, глядя на внучку, продолжила: – Жива я, жива. И пока покидать свет не собираюсь.

– Бабушка! Вот зачем Вы корите меня, за мою детскую непосредственность?

– Ой-ли! Тогда зачем пришла?

– Узнать, придете ли к столу.

– Не юли, это тебя мало волнует.

– Не правда.

– Я всегда говорю только правду.

Тут Тося прищурила глаз, говоря:

– Всегда?!

– Анастасия, ты на что намекаешь? Сколько я просила говорить со мной четко, ясно, членораздельно!

– Говорю четко – расскажи о бокальчиках.

– Вот пиявка! Что о них рассказывать? Нечего! Просто память.

– Ага, просто.

– Так ты пришла узнать об ужине или сказки выдумывать и меня ими пытаться?

– Конечно, пришла проведать и к столу пригласить. А остальное, последствия.

– Последствия, внучка, вещь странная и редко бывает хорошая. Упаси тебя бог от них. К столу не приду, без меня там тесно. Все распоряжения я отдала Нюсе. Она так точно, только за этим приходила.

– Не сейте раздор! – направляясь к двери, бросила Тося.

– А ты поговори мне тут, поучи! Лишу доступа.

– Не лишите! Вы меня любите! – и, улыбаясь, вышла обратным порядком, пятясь и задерживая свой нос в комнате.

Антонина Михайловна вздохнула, но тут же прогнала все мысли об их разговоре. А вот Тося – нет. Терзал ее тот факт, что она никак не может узнать всю правду о бокалах. И почему только тетка Наталья имеет к ним доступ? Что они с бабушкой нашептывают, стирая с них

пыль? И почему сами? Отчего чаще полируют, чем девки моют остальную посуду и даже начищают родовое серебро? Что бабушка разглядывает в них?

У нее была еще гора вопросов и ни одного ответа. То, что она все узнает, у нее не возникало даже сомнения, надо только подождать. А терпения у нее больше чем у остальной кучи сестер, да и братьев. Сегодня у нее появился новый вопрос, с которым она пришла к grand-маме, как она частенько называла бабушку, или строгой Тони, как называли все остальные. Сегодня ее интересовал разговор деда со своим поверенным и почему это тот ушел от деда такой довольный? Да и дед сразу же позвал к себе Нюскиного отца. Странности. Скорее всего, бабушка знает, но у нее не так просто выведать, у деда же она и не стала бы спрашивать, дед не очень любил болтать с внуками. С внуками – да. Приемники! Ну, еще с теткой Натальей. Ох уж эта Наталья! Мать тоже хороша, никогда, ни до чего нет интереса. Главное – вкусно поесть, сладко попить, да выспаться.

– Ничего! К полуночи буду знать. – громко проговорила Тося и помчалась обедать.

Этим утром поверенный Алексея Павловича явился с годовым отчетом, детально, оставив на каждом пункте, а иногда и повторяясь, докладывал, что тот чуть не заснул на сцене и, непроизвольно уронив голову, вскинул ее и прервал речь парня:

– Ну, все, дружок, довольно. Я все сам изучу. Времени у меня предостаточно. Крайние же числа вижу и они меня, хоть и не радуют, но и не удручают. Ступай, кланяйся отцу. Да, как он там?

– В полном здравии. Вам также посылал нижайший поклон.

– Спасибо, спасибо! С наступающим вас! Всех благ!

Но парень не уходил. Взяв свою папку, топтался посреди комнаты:

– Позвольте спросить.

– Спрашивай, коль нужда возникла.

– Не мог бы я, просить у Вас руки Анны Григорьевны?

Алексей Павлович даже закашлялся от неожиданности. Когда унял свое дыхание, посмотрел на парня, но уже другим взглядом – изучающим.

– Ответь мне юноша, барышня согласна?

– Не смел тревожить, не поговорив с Вами.

– Но почему со мной?! У Аннушки есть родители.

– Вы глава. А с батенькой, Анны Григорьевны, я едва знаком.

– Ну, дела.... Ступай, милоч, мне надо хорошенько подумать. Да и тебе, как мне кажется, надо бы с избранницей поговорить.

Парень склонил голову и быстро удалился. Сдерживать себя в эмоциях он не мог, разговор ему понравился и сулил надежды, поэтому практически бежал, никого вокруг не замечая. Тут же раздался звон колокольчика из кабинета Алексея Павловича. Камердинер приоткрыл дверь и поспешил выполнять поручения. Именно эту сцену, случайно, увидела Тося. Она сидела на окне и от скуки разглядывала заснеженную улицу и снующий люд, скрытая спущенной тяжелой шторой. Ей нравился поверенный деда, высокий, с положением, горящими жизнью глазами, мужчина. Всегда улыбающийся. Правда, он не проявлял ни к ней, ни к сестрам более теплого внимания, чем следовало по этикету, но это же не беда. Тося узнала о нем все, и осталось малое – направить исполнение своего желания по нужному руслу, а для этого, нужно чутко подтолкнуть Константина, сталкиваясь с ним неожиданно, в разных местах. Пока получалось плохо. Но ей только двадцать. Сестры младше, что радовало. А то, что для многих светских семей она как бы уже стара, то это их личное дело.

Прошло два дня, когда Тося снова увидела Константина. Она заметила его еще на улице и побежала к двери, намериваясь самой его встретить, но потом передумала, глянув на себя в огромное зеркало, поправила волосы, затем расправила платье и уже медленно, степенно, чеканя каждый шаг, повернула к лестнице, собираясь спуститься. Она уже слышала дверной

колокольчик, слышала как открыли дверь и... Тут Тося застыла на месте. Константин, отдавая свое пальто, не спешил как обычно к деду, а остался с фойе и, сжимая в руках каракулевую шапку-пирожок, попросил пригласить Анну! Нечто острое засвербело в груди у Тоси, она скрылась за колонной. Летели минуты, она стояла, сжимая кулаки, перебирая варианты, для чего вдруг Константину могла понадобиться ее сестра. Когда услышала Нюсю, спряталась и прислушалась.

– Здравствуйте, Константин! – еще издали произнесла Анна и осталась стоять на последней ступеньке. Поверенный деда подошел ближе, склонился в приветствии и не пожал поданную ему руку, а прикоснулся губами, говоря:

– Мне бы хотелось с Вами поговорить.

– Так проходите.

– А можно, без свидетелей.

– Вы меня смущаете. – Анна улыбнулась. – Но, Вам, можно.

И она первой пошла наверх, Константин за ней, вошли в библиотеку и мужчина закрыл плотно дверь. Как Тося не старалась, но расслышать ничего не смогла.

– Ладно. – проговорила она тихо. – Он по делу. Ну, конечно же, по делу! Нюска же ребенок!

В последующие три недели тревога Анастасии усилилась, а вместе с тем и росла злость, пробуждающая ненависть к сестре, ее родителям и бабушке. Она держала себя из последних сил, чтобы не устроить скандал, не обвинить Нюсю во всех смертных грехах и не порвать с ними все отношения, сбежав куда угодно, хоть одной, хоть с первым попавшимся мужчиной, чтобы и перед обществом очернить семью, пусть даже потерей собственного достоинства. Однако тянула. Ее держала тайна бабушки, которую та тщательно берегла и которая, Тося это чувствовала носом, в ближайшие дни откроется. Анастасия видела больше, чем казалось со стороны. Она замечала все мелочи, все мимолетные взгляды, слышала в простом разговоре скрытые намеки на предстоящие перемены. Она каждой клеточкой чувствовала, что произойдет нечто грандиозное. И Тося стала «тенью», следуя за сестрой и бабушкой.

В канун новогодних праздников Константин и Анна дольше обычного отсутствовали. Тося бы и за ними пошла, если бы не морозы. Не брать же извозчика! И как только Анна вернулась, они с Натальей зашли к бабушке, глухо закрыв дверь, говорили настолько тихо, что Тося не смогла понять ни слова. Как же это ее раззадорило! Укутавшись в теплую шаль, с которой не расставалась последние дни, смело вышла на улицу. Снега не было, а тот, что выпал ранее был вычищен. Она оббежала дом, взбежала по задней лестнице и пробралась к бабушкиным окнам. Шторы, на радость Тоси, были не плотно зашторены, женщины стояли у окна, оживленно беседуя.

– Рождество самый лучший день. – говорила Антонина Михайловна. – Праздник! Так что приход гостей никого не удивит. Да и у тебя, Анечка, будет время все хорошо взвесить.

– Да, да, дочь! – закивала Наталья. – Жизнь – не шутка. К сердцу тоже прислушиваться надо.

– Кто бы говорил! – чуть громче произнесла Антонина Михайловна, и Тосе даже показалось, что вслед за словами раздался смешок.

– Мама!

– Я уже сто лет – мама! Ладно, меньше. Не о нас разговор, свою судьбу мы уже избрали, дорогами идем лично выбранными. Ты, Аня, подумай, без этого никак нельзя. Но и к сведенью прими все положительные моменты, которые у тебя появятся в будущем.

– Я поняла вас, не волнуйтесь так. – ответила Анна. Тося заметила, как горят у сестры щеки, как отводит та глаза от бабушки.

– Значит, на Рождество! Это очень хорошо. Мне тоже нужно время, все приготовить, сделать заказ.

– Может не надо? – как-то неуверенно произнесла Анна. – Давайте по-простому, скромно.

– Как это не надо?! Обязательно нужно! – прикрикнула Антонина Михайловна и тут же добавила: – Идите, я что-то переволновалась. Первый раз, все-таки. Идите.

Анна пошла первой к двери, Наталья собралась за ней, Тося, замерзнув хорошенько, так же намеревалась бежать в дом, как Антонина Михайловна сказала:

– Нана! Подай мне капли и достань книги. Хочу прочесть.

– Да, мама. – Наталья тут же накапала из аптечного флакона, поставила чашечку на столе рядом с креслом Антонины Михайловны, в которое та усаживалась и открыла комод, доставая стопку книг. Вроде как все обыденно, но подумавшись, старушка собралась почитать! Тут-то нос Тоси зачесался. Да и комод она ранее не замечала. И даже не комод, а небольшой сундук, отчего-то накрытый скатертью. Наталья приглушила свет, зажгла свечку у образа. Затем еще несколько свечей и подсвечник поставила на стол, поближе к матери.

– Ступай! – проговорила Антонина Михайловна. Поцеловала дочь, благословила и та в ответ прикоснулась к ее руке губами. Сразу же ушла.

– Ой, какие набожные! А ведь я и не думала, что уж так. – проговорила стуча зубами Тося, упорно оставаясь у окна. Она замерзла уже настолько, что холодело сердце. Однако уходить не собиралась. Бабушка молилась, Тося это поняла сразу, но молилась не долго. Поцеловала Писание и положила на стол, беря в руки небольшой сверточек. Осторожненько, расправляя каждую сторону и, словно разглаживая ткань, развернула книжицу. Совсем старенькую, потертую, зачитанную. – Околею! Прости Господи и помилуй! Но ведь я должна знать. И буду! – упрямо заявила Тося невесть кому, придвинулась ближе к окну. Ровно через минуту, воскликнула: – Все, греться! Теперь я знаю, что мне надо. – так же как выходила из дому, вернулась никем не замеченной, ну разве что прислужгой, на которую и внимания не обращала.

То, что происходило с самого завтрака, Тося восприняла как положительные знаки для себя и даже, благословение. Едва семья села за стол, Антонина Михайловна сообщила:

– Сегодня идем на службу. Все! Алексей Павлович, велите запрячь сани и подать лошадей вовремя. Молодежь может и ножками, а мне, по возрасту полагается.

И все, никаких уточнений или вопросов. Позавтракали, занялись своими делами и ко времени все ждали Антонину Михайловну, за исключением Анастасии. Та, сославшись на нездоровье, лежала, укутавшись в теплую шаль и накрывшись одеялом. Щеки горели, глаза блестели жаром. Возможно, она и правда простудилась, бегая по улице полураздетой, а быть может, и приближение к долгожданной разгадке трясло ее и обдавало жаром. Антонина Михайловна, при полном параде – шуба из чернобурки, в пол, муфта, шаль поверх меховой беретки, твердой поступью направилась в комнату внучки. Хотя ее семья следовала за модой и дочери предпочитали ротонды с меховыми накидками, сама же Антонина Михайловна придерживалась старых традиций и отступать от них, во всех направлениях, не собиралась. Вошла, внимательно осмотрела Тосю, с ног до головы, задержала взгляд на лице и произнесла:

– Оставайся! Я пришлю лекаря.

– Не надо. Спасибо! Это всего лишь головная боль. Думаю, к утру все пройдет.

– Ну-ну! – кивнула головой и удалилась, оставляя комнату открытой.

Тося слышала, как бабушка дает распоряжение, затряслась еще больше, но как только на первом этаже хлопнули двери, выскочила с кровати, затворила дверь своей комнаты и бросилась к окну. Ее окна выходили на дорогу, ведущую к церкви. Прошла молодежь, тут же их обогнали сани, увозящие Антонину Михайловну с тетками, ее матерью и дедом. Остальные члены семьи плелись позади всей процессии, и видно было, что идут они без охоты. В дверь постучали, Анастасия едва успела запрыгнуть в кровать, как появилась горничная бабушки с нагруженным подносом. Поставила на стол и принялась придвигать к кровати маленький круглый столик, за которым Тося обычно читала. Анастасия поглядывала за ней сквозь томно

опущенные веки, создавая видимость дремоты. Запахло травами, девка налила в чашку отвар и уставилась на Тосю, та не шевелилась.

– Хозяйка приказали выпить!

– Хорошо. – хрипло проговорила Тося. – Поставь, я потом попью.

– Нет, сейчас и при мне!

– Да что это такое! – Тося даже села. – Ты мне приказываешь?! Как смеешь?!

– Не я, хозяйка. Пейте!

– Мне спать хочется, а не пить. Скажу бабке – выпорот.

– Скажите! А не выпьете, так и без сказа высечет. Но уж тогда я ей скажу, что вы здоровы.

– Шельма! – выругалась Тося, но чашку взяла. Принялась пить и кривиться. Настой был горьким, горячим и неприятно пахнущим. Ополовинив, подняла голову к девке: – Что еще прикажешь сделать?

– По мне, так делайте, что хотите.

– А ты дерзкая!

– Хозяйка довольна.

– Теперь я могу уснуть?

– Конечно! – хитро улыбнувшись, кивнула на столик: – тут все необходимое. Если чё, кликните. – и пошла к двери. Уже выйдя, повернулась: – А не покличете, так я все равно через час зайду. Хозяйка приказали проводить.

– Да иди ты, от греха подальше! – махнула рукой на нее Тося и отвернулась к стене. Но уже через пару минут она была у двери и прислушивалась – тишина стояла в доме, полная. Вышла, подождала немного и понеслась в покои к бабушке. Комнату Антонины Михайловна запирала, но Тося уже давно научилась открывать ее, любовалась богатством. Вот правда горку открыть не удалось, но она верила в удачу. Прислушалась, посмотрела в обе стороны и проникла в бабушкину спальню. Перекрестилась, встретившись с образами, и к укрытому от глаз сундуку бросилась. Подняла покров, стала на колени, всунула шпильку в замок и... крышка открылась! Тося даже не сдержала радостного вскрика. Тут же зажав себе рот, побежала к двери – послушала, выглянула, и осторожно прикрыв двери, вернулась к тайнику. Пересмотрела все книги, что находились в нем, но той, что завладела ее душой, не было. Положив все на свои места, заперев дверцы и расправив покрывало, так чтобы не осталось ни одной складочки, прищурился глаз, вертелась вокруг своей оси. Несколько книг на столе, но то были не те, она это поняла по корешкам и размерам. На этожерочке под иконами была еще стопка. Снова перекрестилась, полистала их. Подошла к кровати и проверила все, что могла. Ничего! Уже было отчаялась и решила, что несносная старуха, предчувствуя, каким-то своим, непонятным чутьем, забрала книжку с собой, собралась уходить, как почувствовала недомогание. Голова затуманилась, ноги подкосились, да и веки предательски слипались. Боясь грохнуться в обморок, плюхнулась в бабушкино кресло и с минуту сидела не шевелясь. Сон жестоко забирал ее в свои объятия. В висках стучало, сердце бешено колотилось:

– Вот она, расплата за мое любопытство... – хриплым голосом произнесла Тося и почувствовала, как пересох ее язык. Это было так неприятно и страшно. – Отравили... Как бабушка...

И тут ее словно током обожгло:

– Ах ты, девка! Ах, паршивка! Убью! – из последних сил, прежде чем умереть, собралась вырвать горничной девке косы, открыла глаза и, схватившись двумя руками в подлокотники, встала. Сверток лежал на горке, сигналив ей белым уголком. Недомогание, сон и слабость как ветром сдуло. Взяла сверточек, так же как бабушка, осторожно и аккуратно развернула его и, не беря книжицу в руки, принялась изучать. Несколько страниц пролистнула, так ничего и не поняв. Все они были исписаны непонятными закарлюками, на неведомом ей языке. Разочарование уже протягивало лапы к ее горлу, но упорство, с детства засевшее в голове, толкало

действовать дальше. Листая, добралась до середины и, закрыв книгу, зачем-то развернула ее. Что-то, почти стертое, было написано на тыльном листе, вверх ногами. Перевернула, присмотрелась, даже попыталась прощупать буквы пальцами.

– Неразобрать! – вздохнула и открыла.

Какие-то схемы, рисунки знаков зодиака. Затем рисунки форм бокалов. – Это что, у нее коллекция бокалов по знаку рождения? – оглянулась. – Всего лишь... Странно.... Моего нет... Да и Анькиного. Не достойны еще. В общем, ерунда какая-то, зря я мерзла и столько лет мучила себя. – машинально листая, перевернула еще несколько неинтересных ей страниц, бурча: – И чего так чопорно хранить?! – как вдруг, в причудливо написанных буквах, открылось: «Заговоры». И сердце Тоси остановилось. Вместе с этим она перестала дышать, водя пальцем по написанному. Снова потемнело в глазах. В большой гостиной забили часы. Они-то ее и привели в чувство. Метнулась к бабушкиному секретеру, взяла несколько листов бумаги, принялась, не разбираясь, переписывать. Через пять минут она стояла у двери, придирчиво оглядывая комнату. Оставшись довольной, побежала к себе и едва успев сбросить туфли, услышала женский смех. Дверь открыли без стука.

– Спит, как хозяйка и сказала! – проговорила бабкина девка. – Пойдем, почаявничаем, пока сама не явилась.

– Так тебе с ней сидеть велено.

– А я и посижу, как назад идти будут. Служба-то, еще не кончена. А Киселевы, уж если идут, то стоят до последнего.

Глава 3

– Слава Богу! – воскликнула Анна.

Тося еще не проснулась окончательно, и голос сестры растворился в остатках сна. В голове гудело, во рту было горько, да и все тело била мелкая дрожь. Сквозь ресницы проникал неприятно режущий свет и она, зажмурившись, пыталась понять, что с ней происходит.

– Как же здорово! – продолжала ликовать Нюся, смачивая губы Анастасии неимоверно противной жидкостью, да еще елозя по ним чем-то шершавым. Тося принялась плевать, чтобы избавиться от горечи и вытирать рот рукой. Движения получались неуклюжими, доставляющими дискомфорт. А тут еще Нюся никак не замолкала: – Радость то, какая! Я ведь боялась, что ты не успеешь.

– Куда? – прохрипела Тося.

– Я замуж выхожу!

– Замуж? – Тося открыла глаза, Нюся тут же приподняла ее голову, пытаясь напоить. – Да отстань ты со своими прилипаниями. Как замуж? С чего вдруг? За кого?!

– Сестренка, да ты же ничего не знаешь. Ой! Вот же я глупая.

– С этим спорить не буду.

– Шутишь! Значит и правда выздоровела.

– Не тараторь! Голова трещит.

– Это у тебя от лихорадки.

– Я уже уяснила, что больна. Ты мне лучше скажи, когда это ты успела так..., ну, чтобы замуж.

– Странно, я думала, ты знаешь.... Ну, да ладно. Меня засватали. Еще на Рождество!

– Так вот о чем... Стоп! Как на Рождество?! Это же вчера было...

– Что вчера? Бедненькая, ты совсем потерялась. Ты же месяц уже болеешь. А как бредила, как бредила! Все в круг звала, да неразборчивые песни пела. Тихохонько так, поскуливая.

– Я тебе что, щенок?! Поскуливая...

– А я иначе и обозначить не смогу. Протяжно так: «Пойдуууу, за собой поведу...» Больше ничего не разобрала. Да и никто не скажет. Ты ж только при мне говорила. А как бабушка заходила, тебя, словно связывали. Лежишь прутиком, не моргнешь, почти не дышишь. Сама белая, губы синие, только щеки огнем горят.

– Жуть! – выдала Тося, а сама в себе копается, вспоминать пытается, чем таким важным она занималась.

– Вот и я говорю – кошмар!

– Все, Нюся, угомонись, вот она я, жива. Ты мне хоть поведай имя жениха.

– Странная ты. – Нюся улыбнулась. – Это же Константин. Мы же с ним...

– Уйди! – вдруг закричала Тося, перебив сестру, не дав договорить. – Уйди!

– Прости! Понимаю, устала... – слезы набежали на глаза Анны, она попятилась к двери, стараясь изгнать сжимающую сердце обиду и объясняя поведение кузины последствиями пневмонии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.